Чаяновский утопизм:
балансируя среди кризисов интенсификации оптимумов

А. М. Никулин

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, руководитель Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

В данном исследовании рассматриваются особенности мировоззрения А. В. Чаянова, который в своей многогранной интеллектуальной деятельности обращался к экспериментированию и с жанром утопий. На основе анализа таких утопических произведений А. В. Чаянова, как «Опыты изучения изолированного государства» (1915–1923 гг.), «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920), «Возможное будущее сельского хозяйства» (1928), исследуются базисные элементы чаяновского научного и художественного мировоззрения.

В каждой своей утопии Чаянов конструировал различные оригинальные модели социального развития. Вопреки социальным кризисам первой трети XX века ученый стремился компромиссно оптимизировать противоречия между городом и деревней, индустрией и сельским хозяйством, крестьянством и капитализмом-государством, наукой и искусством, личностью и обществом. На стремлении достичь гармонических оптимумов развития человеческого общества фактически основывается утопическая релятивистская этика чаяновского аграризма, подвергаемая в данной статье критическому анализу.

Ключевые слова: автаркическое государство, крестьянская экономика, капитализм в земледелии, культурное многообразие, технический прогресс, релятивистская этика.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-6-30

Замечательный ученый-аграрник А. В. Чаянов моделировал оригинальные прогнозы альтернатив возможного будущего развития не только сельского хозяйства, но и всеобщих социальных процессов[1].

Иногда финал своих особо концептуальных академических статей и книг Чаянов мог завершить неким патетически эмоциональным провидением будущего. Например, мы в этом убеждаемся

1. Емкую и точную характеристику чаяновского мышления дал Т. Шанин: «Мысль Чаянова проникала сквозь дисциплинарные границы между экономикой, социологией, историей, сельским хозяйством, теорией познания и искусством. Особенно он отличался невероятной силой дисциплинированного воображения и умением выражать его в словах; он обладал выдающейся и оригинальной способностью создавать модели — соединять в своих работах научные и художественные достижения» (Шанин, 1995: 34).

на последней странице его монографии «Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации», опубликованной в 1927 году: «В критические моменты нашей, а также и Великой французской революции, когда государственный аппарат колебался под ударами врагов, народные вожди не раз выбрасывали лозунг „К массам!“ и бросали в борьбу стихию народных масс, своею мощью спасавшую положение... В тот час, когда окажутся бессильными все методы предпринимательства, когда экономический кризис и удары организованного заграничного капиталистического противника будут сметать наши сложные предприятия, для нас возможен единый верный путь спасения, неизвестный и закрытый капиталистическим организациям, путь этот — переложить тяжесть удара на плечи того Атланта, которым держится вся наша работа — на плечи крестьянского хозяйства... на его рабочую сопротивляемость, на его сознательность.

А для того чтобы они не уклонились от тяжести, нужно, чтобы они чувствовали, знали, сжились с тем, что дело сельскохозяйственной кооперации — их крестьянское дело! Чтобы это дело тоже было действительно мощным социальным движением, а не предприятием только!

Нужна кооперативная общественность деревни, кооперативное крестьянское общественное мнение... Без них кооперация будет всегда в опасности и всегда в состоянии неустойчивого равновесия» (Чаянов, 1991: 412–413).

Мы специально привели обширный отрывок из заключения знаменитой работы Чаянова, чтобы также обнаружить в нем фактически все основные понятия чаяновской социальной теории, то есть когда среди социальных кризисов, колеблющих равновесие (устойчивое и неустойчивое), определяется треугольник взаимоотношений «государство — предпринимательство — крестьянство (кооперированное)» и поиск между ними оптимумов социально-политических решений, принимаемых вождями (элитами) в согласии с массами.

Это нахождение (и даже вычисление) оптимума теоретико-экономического и социально-политического в условиях неустойчивого, порой кризисного равновесия экономического и политического часто есть главная цель и вывод, заключительный аккорд типичного чаяновского аналитического текста.

Исследователи творчества Чаянова любят подчеркивать его вклад в обоснование и развитие теории дифференциальных оптимумов сельскохозяйственных предприятий (Чаянов, 1928б), определенным образом интегрирующих фактически все его аграрно-экономические исследования. Например, И. Виноградова и В. Чаянов так суммируют сельскохозяйственную суть чаяновских оптимумов: «Оптимум имеется там, где при прочих равных условиях себестоимость получаемых продуктов будет наименьшая. Оптимум зависит от природно-климатических, географических

условий, биологических процессов. Все элементы себестоимости в земледелии Чаянов разделил на три группы: 1) уменьшающиеся при укрупнении хозяйств (административные расходы, издержки по использованию машин, построек); 2) увеличивающиеся при укрупнении хозяйств (транспортные издержки, потери от ухудшения контроля за качеством труда); 3) не зависящие от размеров хозяйств (стоимость семян, удобрений, погрузочно-разгрузочные работы). Оптимум сводится к нахождению точки, в которой сумма всех издержек на единицу продукции будет минимальной» (Виноградова, 2003).

Это действительно емкое и добротное определение чаяновских оптимумом, в котором, впрочем, не упомянуто столь важное для Чаянова понятие динамики аграрно-экономической интенсификации, к тому же сформулированное лишь к прикладной точке зрения экономики сельского хозяйства. А ведь, подчеркнем еще раз, Чаянов был не просто аграрник-экономист, но прежде всего социальный мыслитель, который стремился определить возможные оптимумы для фундаментальных, базисных социальных процессов общественного развития в их интенсифицирующейся динамике противоречий и кризисов.

Здесь, конечно, невозможно было опереться лишь на социально-экономическую статистику, в прошлом и настоящем всегда неполную, а в будущем, естественно, отсутствующую. Вот тут-то чаяновское мышление смело устремлялось через конструирование разнообразных социальных моделей альтернативного существования общества к прогнозированию возможных тенденций и вариантов эволюции человечества, тем самым фактически вступая в мир утопий.

Чаще всего исследователи творчества Чаянова анализируют его знаменитую фантастическую повесть-сказку «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». Но и в ряду других, прежде всего научных произведений Чаянова, на наш взгляд, вполне можно обнаружить признаки утопического мышления, конструирующего утопию. Наше утверждение относится в первую очередь к таким абстрактно-теоретическим работам Чаянова, как «К теории некапиталистических систем хозяйства», «Опыты изучения изолированного государства». Кроме того, сам Чаянов наделял статусом утопии свою последнюю футурологичесую повесть «Возможное будущее сельского хозяйства».

Необходимо отметить чрезвычайную социально-политическую интуицию Чаянова, позволившую ему одним из первых среди современников почувствовать глубинные изменения в скоротечном духе своего времени 1910–30-х годов, так точно названном британским историком Э. Хобсбаумом эпохой катастроф (Хобсбаум, 2004). Ведь и очередное обращение Чаянова к утопическому конструированию, как правило, совпадает с новыми катастрофическими шагами в эволюции общественной жизни России и мира первой трети XX века.

Так, например, через год после начала Первой мировой войны Чаянов одним из первых социальных мыслителей ставит вопрос о наступлении возможно длительного периода становления и усиления автаркического существования государств, что косвенным образом находит свое выражение в абстракциях его первой утопии «Опыты изучения изолированного государства», начатой в 1915 году и завершенной уже после революции, в 1923 году.

В разгар экономики военного коммунизма, в 1920 году, Чаянов, словно предчувствуя скорый и неминуемый кризис этой милитаристко-пролетарской химеры, создает головокружительно смелую антиутопическую противоположность в повести «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии».

Наконец, накануне «великого перелома», на волне роста индустриальных мечтаний первой пятилетки, в 1928 году Чаянов публикует свой технократический утопический прогноз «Возможное будущее сельского хозяйства».

Все три вышеупомянутых утопических произведения чрезвычайно различны по жанрам. Утопия 1915–1923 годов написана в жанре маржиналистко-абстрактного трактата по мотивам изолированного государства великого немецкого аграрника-экономиста И. Г. Тюнена (Тюнен, 1926). Вторая утопия представляет собой жанр художественно-фантастической повести-сказки. Третья утопия создана в жанре научно-технократического прогноза. Во всех этих жанрах Чаянов чувствует себя как рыба в воде — всем трем произведениям присущ разнообразно пластичный, но неизменно высокопрофессиональный стиль мастера.

Необходимо отметить по крайней мере еще две важные характерные черты чаяновских утопических конструкций, делающих его утопии такими объемными и динамичными, что на их фоне большинство остальных известных нам утопий оказываются слишком плоскостными и статичными.

В каждой из своих утопий Чаянов особо оговаривает динамику трансформации пространства и времени! Что касается пространства, то Чаянов много внимания уделяет упоминанию и описанию региональных, локальных факторов утопических пространств, обладающих собственными структурно образующими границами, порой надежно изолирующими ту или иную страну или регион для наиболее полного воплощения возможностей их внутренних регионально-природно-культурных особенностей развития. Что касается времени, то в каждой из утопий Чаянов конструирует некий временной континуум, на хронологической шкале которого выделяет и анализирует особенности и варианты возможных социальных бифуркаций в поисках оптимумов форм общественной жизни как среди хорошо известных, так и возможно наступающих кризисов развития природы и общества. Обратимся к последовательному анализу каждой из трех утопий.

ТЕОРИЯ

Первой чаяновской утопией (весьма своеобразной) следует признать его этюды об экономике изолированного государства-острова, созданные между 1915–1922 годами и опубликованные в окончательном виде в 1923 году (Чаянов, 1923). С началом Первой мировой войны Чаянов пристально анализировал процессы дезинтеграции мирового рынка вообще и сельскохозяйственного в особенности и уже в 1914 году опубликовал соответствующий экономико-аналитический обзор (Чаянов, 1914). В 1915 году Чаянов от анализа эмпирических свидетельств автаркизации мирового и крестьянского хозяйства перешел к абстрактному моделированию взаимоотношения капиталистической и крестьянской экономик в автаркическом пространстве.

Используя мировоззренческие принципы модели И. Г. Тюнена[2], Чаянов строит собственную модель изолированного государства, которое для пущей изоляции называет государством-островом. (Чаянов, 1923). Цель этой абстрактно-маржиналистской работы заключается, во-первых, в рассмотрении проблемы соотношения сельскохозяйственной и несельскохозяйственной деятельности человека, а во-вторых, в сопоставлении крестьянской и капиталистической форм хозяйства в виде ряда абстрактных экономических теорем, конституирующихся в модели изолированного государства.

В чаяновской утопии две главы: глава 1. Проблема населения в изолированном государстве-острове; глава 2. Трудовое и капиталистическое хозяйство в изолированном государстве-острове. Каждая глава состоит из девяти параграфов, которые распадаются на отдельные пункты. Как и полагается, маржиналистскому произведению, к тому же применяемому к тюненовской геометрии центрально-периферийных пространств, эта небольшая по объему работа изобилует таблицами и графиками-рисунками. На ее 30 страницах уместились 30 таблиц и 7 рисунков.

Этот пространственно-маржиналистский трактат начинается с ряда абстрактно-теоретических допущений:

- существует некоторое изолированное государство-остров, в центре которого расположен город-рынок;
- площадь острова составляет 10 млн десятин плодородной земли;

2. Модель изолированного государства И. Г. Тюнена, созданная автором в середине XIX века, до сих пор остается источником вдохновения для ее дальнейшего развития и применения среди многих ученых-обществоведов самых различных профессий. Достаточно сослаться, например, на статью Б. Родомана (Родоман, 1987). Применительно к аграрной экономике времен А. В. Чаянова чрезвычайно ценным является анализ, проделанный в статье (Кузнецов, 2013).

- один единственный пищевой продукт А удовлетворяет все человеческие потребности в пище в размере «400 пудов в год на работника и связанных с ним домочадцев» (Чаянов,1923: 79);
- единственный продукт городской промышленности Т удовлетворяет все другие потребности человека и производится в количестве 10 пудов при неизменной производительности труда;
- производство продукта А происходит по законам убывающего плодородия почвы;
- транспортные издержки равны нулю;
- средства и орудия производства изготавливают сами производители;
- в стране нет частной собственности;
- в изолированном государстве-острове чрезвычайно быстро растет население;
- в конце первой главы, в параграфе 9 допускается, что эта страна может «входить в сношение с другими странами, отличающимися от нее по степени густоты населения» (Чаянов, 1923: 88).

При этом Чаянов, конечно, признает, что выдуманная им система хозяйственной жизни данной страны «до крайности упрощенная» (Чаянов, 1923: 80). Несмотря на это, он далее очень уверенно начинает оперировать предложенными собственными условиями, стремясь ответить на целый ряд вопросов, связанных с центральной проблемой исследования — изменением степени интенсивности земледелия во взаимодействии города и села в данной утопической стране. Через обширную галерею таблиц и графиков он приходит к выводу о первенстве сельского (крестьянского) хозяйства в его соревновании с городской экономикой.

Глава вторая начинается с введения в нее новых условий, в некоторой степени преодолевающих упрощения главы первой:

- признаются транспортные издержки;
- появляется частная собственность на землю;
- имеются капиталистические хозяйства;
- территория острова увеличена до 25 млн десятин;
- данная территория разделяется на пять концентрических зон;
- оговорены конкретные издержки транспорта для продуктов А и Т.

Затем опять следует каскад таблиц и графиков, варьирующих различные альтернативы взаимодействия трудовых и капиталистических хозяйств. В параграфе 17 предполагаются даже серьезные политические осложнения: «Примем, что небольшая группа граждан нашего города силою оружия или каким-то иным способом овладевает другим таким же островом, как их родина, и устанавливает на ней режим частной собственности на землю. При этом они получают возможность переселять к себе на остров из-

быточное население с первого острова, благодаря чему оно наводняет второй остров в качестве наемных рабочих, которым дают ту же заработную плату, как и на первом острове» (Чаянов, 1923: 108).

При любых разнообразно абстрактных условиях и вытекающих из них вариантах как первой, так и второй главы в своих выводах всякий раз Чаянов демонстрирует, как в его утопическом государстве-острове (и даже островах) трудовое земледельческое население возрастает, а городское население и капиталистическое хозяйство уменьшаются вопреки очевидным социально-экономическим реалиям XX века. В целом, как подчеркивает вдумчивый критик чаяновской утопии И. А. Кузнецов, «логика принятой Чаяновым теории аграрного развития была однозначна: интенсификация земледелия ведет к аграризации и деиндустриализации страны. Трудовое крестьянское хозяйство эффективнее, чем капиталистическое. Однако эти выводы, особенно тот, что по мере интенсификации сельского хозяйства городское население должно сокращаться, откровенно противоречили действительности и тем самым демонстрировали абсурдность исходных предпосылок...» (Кузнецов, 2013: 403).

В следующей утопии, написанной в принципиально иной манере, не маржиналистско-тюненовского трактата, а художественно-фантастической повести, Чаянов ввел много новых и разнообразных предпосылок, но и они, как оказалось, свидетельствовали лишь в пользу новых замечательных перспектив крестьянства.

Оптимумы артистического популизма: 1984 год

Повесть «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», пожалуй, самое знаменитое произведение Чаянова, в котором синтезированы его важнейшие социально-экономические и философско-эстетические воззрения (Чаянов, 1989). Именно эта повесть заслуженно привлекала и будет привлекать внимание специалистов различных социальных дисциплин, интерпретирующих ее самыми разнообразными способами часто с весьма противоречивыми выводами (см., например: Фигуровская, Симонов, 1988; Герасимов, 1997; Raskov, 2014). Эта повесть создавалась на пике Гражданской войны и политики военного коммунизма в революционной России, когда от имени красной и белой биполярной ортодоксии страна погрузилась в пучину Гражданской войны. Чаянов, словно отталкиваясь от ужасов окружающей его военно-революционной разрухи и кровавого ожесточения борющихся сторон, переносится с помощью своего воображения в культурную, демократическую, между прочим банально сытую и уютную сказочную Россию конца XX века, соответствующую, по-видимому, самым сокровенным чаяниям автора.

Сюжет повести таков. В своем кабинете в октябре 1921 года[3] ответственный советский служащий, один из высокопоставленных деятелей большевистской партии Алексей Кремнев, размышляя о текущих событиях общественно-политической жизни, задается вопросом о возможных альтернативах развития человечества. Наедине с собой Кремнев не скрывает своего скептицизма: к 1921 году мировая революция везде победила, кажется, уже повсюду торжествует военный коммунизм со всеми его прелестями обобществления всего и вся вплоть до семейной жизни, всеобщей уравнительностью и повседневным продуктово-продовольственным дефицитом. Размышляя, Кремнев намазывает масло на хлеб и запивает его кофе, добытыми на Сухаревском (черном) рынке. В рассеянности, пробегая взглядом по корешкам книг своего кабинета, на которых в основном красуются фамилии знаменитых интеллектуалов-социалистов различных оттенков, Кремнев, раскрыв томик Герцена, читает его пророчество о том, что социализм не вечен и его в будущем может постигнуть судьба реакционно-консервативного учения, что на смену социализму, возможно, придет некая новая грядущая революция.

Кремнев с иронией относится к этому пророчеству, полагая, что ни социалисты, ни тем более либералы, у которых вечно туго с утопиями, не в состоянии придумать никакого принципиально нового загадочного и прекрасного мира будущего. Задолго до Френсиса Фукуямы Алексей Кремнев переживает ощущение конца истории, как вдруг теряет сознание и приходит в себя лишь в следующей главе повести — в сентябре 1984 года, в утопической Москве, в утопической России.

Итак, очнувшись от сна, из окна он видит с одной стороны так хорошо знакомые ему старинные исторические здания Москвы и Кремль, с другой стороны — бесконечные парки и сады на месте также знакомых многоэтажек конца XIX — начала XX века. Первое впечатление Кремнева: «Несомненно, это была Москва, но Москва новая, преображенная и просветленная» (Чаянов, 1989: 165–166).

Профессиональный обществовед Кремнев сразу догадывается, что странным образом попал в страну утопии и мучительно предполагает, с какого рода социальной системой будущего ему предстоит иметь дело. В поисках ответа он всматривается из окна в прохожих на улицах, признавая, что «люди живут на достаточно высокой ступени благосостояния и культуры...» (Чаянов, 1989: 166). Предметы в его комнате «... в большинстве были обычными вещами, выделявшимися только тщательностью своей отделки, какой-то под-

3. Между прочим, чаяновская повесть была опубликована в 1920 году. Следовательно, повесть уже начинается в будущем, пусть и не столь отдаленном. Уже с первых строчек мы находимся в близлежащей утопии, из которой ее главный герой через две главы повести и 63 года XX века попадает в новую утопию.

черкнутой точностью и роскошью выполнения и странным стилем своих форм, отчасти напоминавших русскую античность, отчасти орнаменты Ниневии. Словом, это был сильно русифицированный Вавилон» (Чаянов, 1989: 166).

Роясь в книгах и газетах, судорожно читая загадочные фразы про крестьянство, эпоху городской культуры, англо-французскую изолированную систему, Кремнев оказывается в доме гостеприимного семейства интеллектуалов Мининых, которые, приняв его за ожидавшегося ими американца, с удовольствием показывают и объясняют Кремневу особенности жизни страны.

Кремнев убеждается, что Москва изменилась поразительно: снесена гостиница «Метрополь», в живописных руинах лежит Храм Христа Спасителя, фактически снесены все высотные здания эпохи модерна. Москва и Подмосковье представляют собой сплошной город-сад, где кварталы уютных и невысоких домов перемежаются обширными садами и парками. Из центра Москвы по Тверским-Ямским улицам, мимо аллей Петровского парка Кремнев на автомобиле приезжает в дом Мининых в Архангельском, знаменитое имение Юсуповых, в конце XX века преобразованное в высшую школу для воспитания юношей и девушек «Братство святого Флора и Лавра»: «Братство владело двумя десятками огромных и чудесных имений, разбросанных по России и Азии, снабженных библиотеками, лабораториями, картинными галереями, и, насколько можно было понять, являлось одной из наиболее мощных творческих сил страны» (Чаянов, 1989: 176).

Между Москвой и Архангельским и далее на сотни верст в разные стороны простирались крестьянские дома и поля с тремя-четырьмя десятинными наделами, отгороженными между собой кулисами тутовых и фруктовых деревьев.

С членами семьи Мининых Алексей ведет постоянные беседы об искусстве, в особенности о живописи, о культурной и политической жизни утопической страны. Он убедился, что и в конце XX века в России семья остается семьей, где несколько поколений любят собираться дружной компанией за обеденным столом, вкушая яства домашней кухни.

Семейство путешествует дальше, отправляясь на ярмарку в Белую Колпь в окрестностях Волоколамска. Приходится продвигаться между телегами и автомобилями, набитыми веселыми крестьянскими парнями и девками, одеждой и внешним видом ничуть не отличающимися от представителей интеллектуального семейства Мининых.

Ярмарка оказывается не только средоточием торговли всякими вкусностями и сладостями, но также и местом продаж произведений искусства мирового класса. В местной торговой палатке крестьяне приобретают картины Венецианова, Кончаловского и даже «Христа отрока» Джампетрино, которого искушенный в живописи Алексей Кремнев любил в свое время рассматривать в залах

Румянцевского музея. Вообще в этой утопической стране господствуют вкусы великих искусств, здесь, кажется, нет ни поп-арта, ни поп-культуры. Некоторый элемент развлекательной культуры заключается лишь в павильоне восковых фигур — двигающихся автоматов. Зайдя в него вместе с семейством Мининых, Кремнев среди Цезаря, Наполеона, Ленина, Шаляпина вдруг находит самого себя. Надпись под этим манекеном гласит: «Алексей Васильевич Кремнев, член коллегии Мирсовнархоза, душитель крестьянского движения России. По определению врачей, по всей вероятности, страдал манией преследования, дегенерация ясно выражена в асимметрии лица и строении черепа» (Чаянов, 1989: 192). Конечно, после такого сходства все окружавшие Алексея поразились, смутились, а кто-то почувствовал что-то неладное.

Тем не менее путешествие и познание утопической страны еще некоторое время продолжалось для Кремнева, пока вдруг не пришло известие о внезапном нападении Германии на Россию, почти тут же совпавшее с арестом Кремнева, заподозренного в шпионаже. В утопической стране тюрьмы оказались такими же комфортабельными, как и остальные социальные учреждения. Вызванный из тюрьмы на допрос Кремнев чистосердечно рассказал, кем он является на самом деле. Специальная комиссия, состоявшая не только из следователей, но и ученых историков, внимательно расспросив Алексея, пришла к выводу, «что он, несомненно, начитан в революционной литературе, в нем видно знакомство с архивами, но что он совершенно не представляет собою духа эпохи и чудовищно по непониманию толкует исторические события, а потому ни в коем случае не может быть признан их современником» (Чаянов, 1989: 206). Опустошенный Алексей был отпущен на все четыре стороны, а тут как раз и война для России победоносно завершилась. Так заканчивается повесть А. В. Чаянова.

Центральными главами утопии являются беседы Алексея Кремнева с Мининым старшим и младшим, которые доброжелательно и старательно на нескольких страницах книги излагают историю, культурное и социально-политическое устройство своей страны. Дополнительной информацией Алексей постоянно подпитывается, читая местные газеты, журналы, книги и созерцая окружающую его действительность.

В результате перед Алексеем последовательно раскрывается картина исторической эволюции России и мира, в которой, несмотря на победу мировой революции, консолидация социалистических сил оказалась хрупкой по ряду причин, одной из которых являлся банальный национализм. Германия вновь объявила войну Франции: «Постройка мирового единства рухнула, и началась новая кровопролитная война...» (Чаянов, 1989: 180). В итоге к концу XX века мир распался на *пять замкнутых народно-хозяйственных систем* (выделено мною. — *А. Н.*) — англо-французскую, немецкую, американо-австралийскую, японо-китайскую и русскую:

«Каждая изолированная система получила различные куски территории во всех климатах, достаточные для законченного построения народнохозяйственной жизни, и в дальнейшем, сохраняя культурное общение, зажила весьма различной по укладу политической и хозяйственной жизнью» (Чаянов, 1989: 180).

В Англо-Франции и Америко-Австралии произошла реставрация капитализма. Японо-Китай стал монархией, сохраняя своеобразные формы социалистического народного хозяйства. Германия стремилась сохранить строй ортодоксально плановой социалистической экономики.

В России была своя собственная история социально-политической эволюции. Здесь в начале 1930-х годов крестьянство получает большинство во всех органах власти. В 1934 году, кажется, крестьянская партия окончательно приходит к власти, и на съезде Советов проводится декрет об уничтожении городов. Восстание городов в 1937 году под руководством некоего Варварина было подавлено, и после этого развернулись еще более кардинальные работы по трансформации сельско-городской местности России, связанной с разрушением городов, насаждением сплошь «сельско-мало-городской-крестьянско-культурно-парковой системы расселения». В результате ко времени посещения Алексеем утопической Москвы на сотни верст от нее и во всех обитаемых российских пространствах возник своеобразный сельско-городской континуум-симбиоз народно-хозяйственной жизни. Например, чисто городское население Москвы не превышало 100 тыс. человек, при этом на территории Москвы имелось гостиниц на 4 млн человек, необходимых для повсеместно мобильного населения, использующего великолепные пути сообщения будущего. Менее крупные, чем Москва, так называемые городища на месте бывших больших и малых городов представляли собой фактически большие или меньшие узлы социальных связей страны, включающих в себя, конечно, не только гостиницы, но и школы, библиотеки, театры, клубы. Разнообразные и разветвленные формы транспортного сообщения способствовали территориальному расселению, то более сгущенному, то более разреженному, по типу фактически единых сельско-городских поселений.

Экономика этой страны носит многоукладно рыночный характер, объединяет в себе государственные, кооперативные, муниципальные и даже капиталистические формы хозяйства. Последние в стране крестьянской утопии подвергаются особо тщательному контролю и повышенному налогообложению, тем не менее такой прирученный капитализм сохраняется в качестве стимула индивидуальной предприимчивости и всеобщей народно-хозяйственной конкуренции. Государство в экономике этой страны обладает монополией на основные природные ресурсы. Муниципальный сектор достаточно самостоятелен и развит как в политико-культурном, так и в социально-экономическом смысле. Но в сердцеви-

не этого народно-хозяйственного строя, по словам Алексея Минина, «так же как и в основе античной Руси, лежит индивидуальное крестьянское хозяйство... В нем человек противопоставлен природе, в нем труд приходит в творческое соприкосновение со всеми силами космоса и создает новые формы бытия. Каждый работник — творец, каждое проявление его индивидуальности — искусство труда» (Чаянов, 1989: 183).

Именно крестьянское хозяйство, конечно, через различные формы кооперации, связанные со всеми экономическими и культурными укладами, считается совершеннейшей организацией в утопической России.

В политическом плане эта страна представляет собой федерацию, где в ведении преимущественно центральной власти находятся суд, государственный контроль и некоторые учреждения путей сообщения. Во всех остальных сферах, а также уровнях политической организации допускается значительное разнообразие и самоуправление. Например, Алексей Минин рассказывает: «В Якутской области у нас парламентаризм, а в Угличе любители монархии завели „удельного князя“, правда, ограниченного властью местного совдепа, а на Монголо-Алтайской территории единолично правит „генерал-губернатор“ центральной власти» (Чаянов, 1989: 197).

Герои Чаянова не оперируют понятиями и категориями гражданского общества, но фактически его они и описывают, заявляя: «Мы считаем государство одним из устарелых приемов организации социальной жизни. 1/10 нашей работы производится методами общественными, именно они характерны для нашего режима: различные общества, кооперативы, съезды, лиги, газеты, другие органы общественного мнения, академии и, наконец, клубы — вот та социальная ткань, из которой слагается жизнь нашего народа как такового» (Чаянов, 1989).

Тем не менее упомянуто, что, «несмотря на политико-культурный плюрализм этой крестьянской державы, где в отличие от большевиков не разбивали и не разбивают морду любому инакомыслящему, в случае реальной угрозы политическому строю пулеметы здешней крестьянской власти работают не хуже большевистских» (Чаянов,1989).

Более всего Алексея Кремнева интересовали идеология и внутренняя организация властных элит страны крестьянской утопии. Один из колоритнейших представителей этой элиты Алексей Минин подчеркнул, что для нее в XX веке вопросы культурного влияния и развития были не менее, а пожалуй, более важны, чем вопросы экономические.

Именно поэтому крестьянские идеологи и вожди в предшествующие десятилетия своего правления стремились свершить культурную революцию в деревне — вырвать ее из естественного закисания и опрощения традиционной сельской жизни. Они пробуждали социальную энергию масс, направляя в глубинку все элементы куль-

туры, которыми располагали «уездный и волостной театр, уездный музей с волостными филиалами, народные университеты, спорт всех видов и форм, хоровые общества, все вплоть до церкви и политики было брошено в деревни для поднятия ее культуры» (Чаянов, 1989: 198).

Параллельно крестьянские элиты, конечно, стремились выработать научные основы управления обществом. В утопии неоднократно встречаются ссылки на фундаментальные общественно-политические труды крестьяноведов-теоретиков, например книгу некоего А. Великанова «Развитие крестьянского общественного мнения в XX веке» или на труды классика местной социологии А. Брагина «Скорость социальных процессов и методы их измерения», «Теория создания, поддержания и разрушения репутаций», «Теория политического и общественного влияния» (Чаянов, 1989: 215).

Таким образом, всяческая поддержка развития местной инициативы и самоорганизации сопровождалась одновременно индивидуальным поощрением и подбором творческих натур во всех областях человеческой деятельности — от политики и техники до науки и искусства.

Когда Алексей Кремнев обвинил своего собеседника Алексея Минина в том, что описываемый им порядок управления, в сущности, есть утонченная олигархия двух десятков честолюбцев, напоминающих ему каких-то антропософов и франкмасонов, Минин непоследовательно и неубедительно возражал его упрекам. При этом с фанатизмом воодушевления лишь уточнил, что он и его команда есть прежде всего «люди искусства» (Чаянов,1989: 201).

В целом чаяновское «Путешествие моего брата Алексея...» представляет собой какой-то консервативно-традиционалистский «арт-поп» — артистический популизм, провидчески стремящийся противостоять грядущему культурному перевороту, который во второй половине XX века совершат поп-арт и постмодерн.

В этой утопической повести есть много сбывшихся и несбывшихся пророчеств. Из сбывшихся, пожалуй, особо сильное впечатление производит и сама избранная дата утопии — 1984, которая окажется впоследствии излюбленным числом для многих утопистов и футурологов XX века. Конечно, надо отметить предсказание исчезновения Храма Христа Спасителя и появление диктатора Варварина в 1937 году. Также, безусловно, заслуживает внимание фактически сбывшееся предсказание Чаянова о постоянном воспроизводстве многополярного международного мира, в котором социально-экономический кризис постигает именно те страны, которые в идеологической ортодоксии не меняют основ своей моноукладной огосударствленной политики, как совхозная Германия, в результате терпящая поражение.

Из несбывшегося пророчества кажется, что чаяновской сельско-утопической Москве противостоит по всем статьям нынешняя реальная урбанистическая Москва конца XX — начала XXI века.

Впрочем, на наш взгляд, как раз именно в этой гиперурбанистической Москве можно обнаружить и латентно мощные гиперсельские черты, которые явно проступали, например, в кризис 1990-х годов в экспансии подмосковного дачестроения, а в 2000-е годы — в экспансии коттеджной субурбии, а также сохраняющимся мощным московским сельхозпроизводством[4].

Все же главным политическим пророческим провидением этой утопии, на наш взгляд, является утверждение чрезвычайно важного значения политической модели экономико-культурного давления избранной утопической идеологии, осуществляемого сплоченной (именно сплоченной) командой олигархов (честолюбцев и эстетов по Чаянову)[5]. По прошествии XX века и сегодня мы убеждаемся, что по крайней мере в России сплоченная олигархия, придерживающаяся идеалов симбиоза экономики и культуры, не только на словах, но и на деле может добиваться некоторых результатов. Впрочем, Чаянов, в случае кризиса утопической Англо-Франции, упоминая об «олигархическом вырождении» ее политической системы, кажется, не рассматривал этот негативно кризисный случай применительно к России.

Оптимумы рационально-эстетского аграризма и постаграрного будущего

Третья утопия А. В. Чаянова, опубликованная в сборнике статей «Жизнь и техника будущего: социальные и научно-технические утопии», появилась накануне коллективизации, а значит, ее автор уже был вынужден избегать конкретных социальных прогнозов, предпочитая концентрироваться на прогнозах научно-технических[6].

Год появления этой утопии (1928) ознаменовался печально знаменитым кризисом хлебозаготовок, повлекшим разрыв нэповской смычки города и деревни, который большевистское руководство стремилось, с одной стороны, преодолеть через внеэкономическое принуждение крестьян к сдаче хлеба, а с другой — форсировать амбициозные планы индустриального развития первой пятилетки.

Возможно, именно в предчувствии надвигающихся «великого перелома» коллективизации и «большого скачка» индустриализации во введении к последней утопии Чаянов постулирует в начале не только определенное отличие аграрной отрасли от индустриальной — он обещает показать в финале своей утопии, как в конце концов агрикультурное развитие закончится «окончатель-

4. О значении сельскости в современной Москве см.: Никулин, Никулина, 2015.
5. О значении олигархизма в советский период см., например: Кронрод, 1992.
6. Например, во всей этой утопии почти ни разу не встречаются слова «крестьянство», «крестьянский».

ной катастрофой и отменой земледелия», после которого в сельском хозяйстве лишь ненадолго останутся «декоративное садоводство, превращающее в парки поверхность нашей планеты, да, пожалуй, изготовление некоторых фруктов и вин, тонкая ароматность и вкусовые качества которых все-таки еще долго не смогут быть заменены продуктами массового производства» (Чаянов, 1928а: 335).

Временной горизонт последней чаяновской утопии составляет, по словам самого автора, 50–100 лет. Это чаяновское уточнение важно для нас: прибавив к 1928 году лет 50, мы, как уже теперь знаем, попадаем в разгар «зеленой революции» конца 1970-х годов, а прибавив еще лет 50 (то есть оказавшись лет на 10–12 впереди нашего времени), мы можем вообразить апогей современной биотехнологической революции.

Структурно хронологически эта научно-техническая повесть также двухтактная. Первому историческому полувековому такту посвящен первый раздел «Основная проблема сельского хозяйства и методы ее разрешения», а более отдаленным перспективам сельскохозяйственного развития — часть вторая «На путях к сельскохозяйственной утопии». Вместо заключения здесь есть даже третья, финально апогейная часть, чрезвычайно краткая, с характерным названием «Отмена земледелия».

Итак, в начале утопии утверждается, что основная проблема земледелия заключена не в тайне самой почвы, ее соков и ее плодородия — в старинно-поэтическом восприятии сельского хозяйства, но в современно-научном понимании процессов взаимодействия воздуха и солнечного света, для которых «следует подразумевать не столько землю как таковую, сколько поверхность, на которую падают солнечные лучи; вот эта-то поверхность, заливая солнечной энергией и соприкасающаяся с воздухом, и есть, в сущности говоря, основа земледельческого производства» (Чаянов, 1928а: 337).

Чаянов отмечает, что как таковое качество земли не проблема для сельского хозяйства, ведь умудряются же французы и даже финны выращивать виноград на голом камне, а китайцы на плотах, дрейфующих по рекам Хуанхэ и Янцзы, организовывать интенсивное земледелие, озаряемое южным солнцем.

С точки зрения такого трезво рационального взгляда современное Чаянову сельское хозяйство представляется далеко не совершенным[7]. Главная проблема усовершенствования земледелия фак-

7. Несовершенным сельское хозяйство начала XX века представлялось, конечно, не только Чаянову, но и многим ученым-интеллектуалам его времени. Как отмечал в переписке со мной по поводу обсуждения данной статьи И. А. Кузнецов, «идея о том, что производительность сельского хозяйства лимитируется количеством солнечного света на единицу поверхности, развивалась немцем А. Майером с 1870 года, в России была подхвачена А. П. Людоговским, далее многими. К. А. Тимирязев, иссле-

тически заключается в поиске оптимума взаимодействия кривых: потока воздуха и луча солнечной освещенности на плоскости земной поверхности. В связи с этим, сетует неоднократно Чаянов, мы повсюду наблюдаем низкие коэффициенты усвоения солнечной энергии сельскохозяйственными культурами. Например, в средних урожаях зерновых овес дает 0,23%, а рожь — 0,32%, свекла — 0,25%, картофель — 0,52%, сахарная свекла — 0,62% коэффициента усвоения энергии солнечных лучей. В целом сельское хозяйство не превышает в своем использовании солнечной энергии 0,5% от всего ее количества, попадающего на вегетационную площадь. То есть главная задача сельского хозяйства — «всемерное повышение указанного коэффициента использования солнечных лучей с наименьшей при этом затратой средств и труда» (Чаянов, 1928а: 338).

Поэтому с точки зрения будущего рационального районирования сельского хозяйства будет происходить его продвижение в сторону интенсификации и повышения коэффициента усвояемости солнечной энергии на соответствующую сельскохозяйственную площадь.

Чаянов сообщает, что над этой стратегической агрикультурной проблемой работают опытные сельскохозяйственные станции, более всего распространенные в США, Германии и СССР, имеющие уже 16 опытных полей и исследовательских учреждений, расположенных в различных регионах страны.

Чаянов предлагает к рассмотрению специальную региональную карту распределения систем земледелия в европейской части СССР. Далее он фактически комментирует, какие преобразования предстоят в основных сельских пространствах, обозначенных на карте[8]. Агрикультура этих пространств к концу 1920-х годов еще очень далека от рационального научного использования.

На севере территории страны располагаются огромные пространства заболоченных лесов, которые, предполагает Чаянов, в ближайшие десятилетия под воздействием мелиорации, выведения и использования новых сельскохозяйственных культур, устойчивых к холоду, применения специальных северных севооборотов трансформируются в районы выращивания льна, картофеля, ого-

дуя фотосинтез, по существу приходил к выводу, что свет важнее почвы. Идея об искусственном производстве пищи в будущем также не нова для 1928 года, С. Булгаков писал об этом мельком еще в 1900 году как о конечном решении мальтузианской проблемы, и наверняка она и до этого широко бродила в мозгах и витала в воздухе».

8. Между прочим, на основе последних историко-экономических аграрных исследований можно утверждать, что данная карта основывается отнюдь не на чистой фантазии Чаянова, но на разработках представителями организационно-производственной школы Чаянова планов сельскохозяйственного развития различных регионов СССР на ближайшие 25 лет. Некоторые из этих региональных планов недавно проанализированы в соответствующих публикациях. См., например: Ильиных, 2011; Бусько, 2000.

родных культур, а также молочного животноводства, распространившихся на много миллионов гектаров, при этом «... бесспорно, борьба человека с болотами и лесами заполнит собой многие годы из ближайших десятилетий» (Чаянов, 1928а: 344).

На юге страны, наоборот, предполагается проведение массированных работ по ирригации земель в зонах засушливого климата, а также применение специальных засухоустойчивых систем земледелия, использующих засухоустойчивые сорта растений. В результате юг страны превратится в территорию выращивания твердых пшениц, кукурузы, бахчеводства, рационализированного скотоводства и овцеводства. Непосредственно в Средней Азии предполагается победить пустыню: там, «где мощные реки могут послужить исходным пунктом орошения, мы сможем создать из сжигаемой солнцем пустыни роскошные оазисы, напоминающие собой тропические формы земледелия. Быть может, для этого потребуется погубить Аральское море путем израсходования на орошение всех вод питающих его рек и поставить крест на аральском рыболовстве, но национальный доход, который эти воды могут дать в форме земледельческих культур, во много десятков раз будет выше, чем современное рыболовство Арала» (Чаянов, 1928а: 345).

При этом, например, дельте Волги и Ахтубы Чаянов предрекает превращение во вторую долину Нила, где благодаря акклиматизации новых агрикультурных сортов будут между собой перемежаться острова-оазисы полей риса и хлопчатника.

Наконец, в центре европейской части страны, где природные условия для ведения сельского хозяйства не столь экстремальны, как на юге и севере, Чаянов упоминает главную социальную проблему — аграрное перенаселение, которое в ближайшие десятилетия непосредственно в сельском хозяйстве предстоит преодолевать и через рациональное районирование.

На основе предлагаемой карты сельскохозяйственного районирования Чаянов описывает картины устойчивой региональной специализации ближайших советских сельских десятилетий. Например, для Московской и Ленинградской областей будущее составят «три кита» — молоко, картофель, лен. Здесь полностью прекратится производство зерновых культур, но зато будут выращиваться три головы продуктивного крупнорогатого скота на месте одной нэповской тощей коровенки (Чаянов, 1928а: 347).

Белоруссия станет эпицентром экспортно ориентированного бэконного свиноводства СССР.

Северные, тульские, тамбовские, орловские черноземы удвоят свои урожаи благодаря применению фосфатных удобрений, а их зерновое хозяйство будет специализироваться в селекционном семеноводстве для всего Советского Союза.

На южных черноземах Воронежа и Украины будет происходить переход от зерновых к специальным техническим культурам с особым распространением сахарной свеклы и подсолнечника.

Регионы самарских, саратовских и ростовских степей будут специализироваться на твердых сортах пшеницы, перемежающихся посевами люцерны, кукурузы и бахчей с кормовыми арбузами. Относительно этого района Чаянов специально подчеркивает особую роль высокомеханизированных чисто американских форм хозяйства (Чаянов, 1928а: 348).

В Сибири предстоит скачок от экстенсивно-залежных форм земледелия к интенсивной форме паротравопольного хозяйства.

А самые плодородные земли страны, расположенные в Северно-Кавказском регионе и в особенности на Кубани, будут представлять собой процветающие области экспортного зернового хозяйства, ячменя, кукурузы, арахиса. Таково стратегическое видение Чаяновым основ регионального развития СССР на ближайшие 25 лет.

В более отдаленной перспективе на 50 лет будут усиливаться радикально технократические черты аграрного развития, предсказанные Чаяновым в следующем разделе его статьи, озаглавленном «На путях к сельскохозяйственной утопии» (Чаянов,1928а: 349).

Здесь по девяти техническим характеристикам своего изложения Чаянов фактически предсказывает возможные направления грядущей «зеленой революции» 1960–80-х годов.

Первые два пункта посвящены кардинальному улучшению свойств хлорофильного зерна. Третий пункт подчеркивает значение роста урожайности под воздействием массового применения искусственных удобрений. В четвертом пункте содержатся важные предположения о революции в хранении и транспортировке как семенного материала, так и сельскохозяйственных плодов. Например, Чаянов с большим энтузиазмом упоминает, что в Америке некоторые плоды и овощи, в особенности помидоры, срываемые еще незрелыми и обрабатываемые этиленом, становятся спелыми через два-три дня при световом освещении.

В пятом пункте Чаянов предсказывает распространение биотоплива, правда, он не пишет о бразильском сахарном тростнике, из которого в наше время в широких масштабах изготавливается горючее для автотранспорта, но полагает, что подобного рода топливо в российских условиях, возможно, будет добываться в больших масштабах из соломы и льняной кострики.

Пункты шестой и седьмой посвящены успехам будущей селекции растений и животных. Чаянов предсказывает наступление революции в кормлении животных как благодаря улучшению самих кормовых культур, так и возможному появлению биодобавок. В результате будущая корова по удоям молока будет равняться шести европейским коровам и пятнадцати советским коровам.

Последние девятый и десятый пункты посвящены излюбленным со времен «Путешествия брата Алексея в страну крестьянской утопии» вопросам предсказания и главное — регулирования климата земного шара.

Чаянов предполагает, что на первом этапе человечество научится достаточно точно предсказывать как кратковременные, так и долговременные колебания погоды по конкретным регионам. Например, он считал, что уже использование математической формулы Обухова позволяло достаточно точно предсказать урожайность хлебов на северо-западе России на ближайший сельскохозяйственный сезон. Чаянов предполагал, что подобного рода успешные прогнозы вскоре будут возможны и для юго-восточных засушливых регионов России. Кроме того, он полагал, что возможно обосновать динамику длительных 11–35-летних погодных циклов для некоторых районов с прогнозированием в них особо неурожайных лет.

Впрочем, главная научно-метеорологическая революция произойдет позже, когда человечество, открыв законы движения образования волн холода и волн тепла, сможет не только наблюдать за ними, но и станет ими управлять, создав для этого специальное сверхмощное оборудование.

В итоге, по Чаянову, «все сельское хозяйство превратится тогда в размеренную, точно установленную систему производства, какой является наша обрабатывающая промышленность... Каждый миллиметр солнечных лучей, падающих на землю, встретит на своем пути вегетационную поверхность, которая с невиданным до сих пор процентом возьмет приносимую солнечную энергию, и ни одна капля в нашем оросительном балансе не пропадет, не оказав содействия этому процессу усвоения энергии солнца» (Чаянов, 1928а: 358).

Но именно в этот момент торжества управляемого оптимума кривых солнечных лучей и водяных струй, балансирующих в максимальной усвояемости растений агрикультуры будущего, свершится третий заключительный акт драмы технократической утопии Чаянова — произойдет «отмена земледелия» под воздействием колоссальных успехов промышленности, которые обеспечат в будущем массовое производство питательных веществ и пищевых продуктов, а также предметов повседневного обихода, как то одежда и мебель, изготавливавшихся традиционно из разнообразного сельскохозяйственного сырья. Химическая промышленность будущего, проникнув в тайны протоплазмы и белка, сможет синтезировать почти все питательные (и не только питательные) вещества, получаемые из продуктов традиционного сельского хозяйства.

Что же тогда будет с традиционными регионами сельского хозяйства и их продукцией, задается вопросом Чаянов. Не превратятся ли тогда сельские просторы СССР, США, Канады, Аргентины, Китая в «заросшие бурьяном пространства мирового пустыря, может быть, их покроют собой ковыльные степи... вековые леса...» (Чаянов, 1928а: 361), а человечество лишь сгрудится в оазисы, расположенные в подходящих климатических условиях? При этом Чаянов высказывает предположение, что через сто лет численность человечества возрастет раз в десять.

Впрочем, во-первых, по Чаянову, этому огромному числу народа потребуются, с одной стороны, громадные энергетические ресурсы для удовлетворения своих многообразных потребностей. А успехи энергетики будущего Чаянов связывает, кажется, исключительно с широкомасштабным применением солнечных батарей, которые занимают гигантские площади прежде всего в таких солнечных пустынях, как Сахара и Гоби, и оттуда беспроводными методами передают электричество в остальные регионы земного шара. Таким образом, для поддержания этого пространственно разветвленного энергетического хозяйства потребуется сохранять значительные поверхности земли от естественного природного запустения.

Во-вторых, и это главное, человечеству скорее всего надоест жить слишком скученно и, предполагая успехи развития разнообразных коммуникаций, Чаянов на последней странице своей последней утопии превращает планету в «сплошные города-сады, прерываемые обширными, в несколько десятков километров, полянами цветов и растений, преследующих цель быть освежителями атмосферы или же плодовыми садами, приносящими те фрукты, ароматность и вкус которых, по всем вероятиям, никогда не смогут быть воссозданы химическим способом производства; *эстетические же соображения* (выделено мною. — *А. Н.*) заставят покрыть всю площадь нашей земли садами, где место теперешних полей, злаков, культур льна и подсолнуха займут роскошные клумбы фиалок, роз и невиданных нами до сих пор, но совершенно изумительных цветов будущего. Можно сказать, что из всех наших культурных растений наилучшей будущностью и вечностью обладает, несомненно, красная роза с ее одуряющим, свежим, сладостным запахом — ей, и именно ей, должны будут уступить свое место все теперешние наши культурные растения, вытесняемые стальной машиной, изготовляющей из воздуха хлеб и ткани будущего» (Чаянов 1928а: 362).

Эта третья чаяновская утопия, по форме представляющая собой, кажется, песнь триумфа индустриализации сельского хозяйства, по внутреннему содержанию все-таки является в значительной степени и критикой аграрного индустриализма. В целом Чаянов собственно технократической стороне аграрного развития уделяет не много места в своей утопии. Например, он упоминает, что корова будущего будет в несколько раз больше давать молока по сравнению с нэповской буренкой, но он забывает вообще что-то сказать о тракторах, комбайнах, которые станут в десятки раз производительней «Фордзонов» 1920-х годов. Вообще Чаянов как утопист-технократ несилен. За исключением развития солнечной энергетики он вообще не пишет о перспективах других источников энергии, например атомных, хотя ряд его современников уже обращали внимание на будущее значение термоядерной энергетики, например Александр Богданов (Гловели, 2004: 71).

Надо также отметить своеобразную экологическую беспечность Чаянова, который в своих прогнозах аграрного развития

XX века предвидел и планировал решительное наступление человека на природу, через, например, вырубку лесов, проведение широкомасштабных ирригаций и мелиораций, не придавая значения возможным отрицательным экологическим последствиям. Впрочем, здесь Чаянов лишь разделял оптимистические иллюзии большинства своих современников с их лозунгом относиться к природе как к мастерской, а не храму.

Безусловно, последняя технократическая утопия Чаянова, кажется, кардинально отрицает все его предшествующие мировоззренческие доминанты. В ней последовательно теряют свой смысл и исчезают дорогие Чаянову изолированные границы отдельных социальных форм, между которыми он так мастерски определял и вычислял свои оптимумы. В последней чаяновской утопии рациональная сельскохозяйственная регионалистика Чаянова, достигнув своего совершенства, вдруг становится бесполезной из-за триумфа промышленного производства почти всех бывших продуктов сельского хозяйства. В процессе этого технократического переворота теряет свой смысл и исчезает как мелкое, так и крупное аграрное производство со всеми их знаменитыми противоречиями. Правда, и здесь Чаянов не отрекается от самого себя. Его чаяновско-галилеевское «А все-таки она вертится!» воплощается в безусловной эстетической тайне ценности цветка розы[9].

Главный финальный вывод чаяновской утопии, между прочим, заключается именно в том, что индустриализм уберется из сельских территорий, ограничившись производством питания химическим способом в городской среде, а сельские пространства, обрабатывавшиеся индустриальным способом, в целом превратятся в футуристические рекреационные просторы для будущего многочисленного человечества[10].

Утопический релятивизм чаяновских оптимумов

Противопоставляя в своих утопиях фундаментальные социальные, экономические, культурные, политические черты человеческих об-

9. Образ розы как символ тайны альтернативных возможностей человеческого существования периодически со времен Средневековья всякий раз с новой силой воплощается в фантазийных произведениях всемирной литературы. Достаточно сослаться на роман Умберто Эко «Имя Розы» и науковедческие комментарии к этому произведению. В 1920–30-е годы кроме чаяновского обращения к символике розы можно, например, упомянуть поля роз в фантастической повести Андрея Платонова «Эфирный тракт» и планету розы в фантастической сказке «Маленький принц» Сент-Экзюпери.
10. С конца XX века в развитых странах неуклонно нарастает тенденция как забрасывания и одичания сельхозугодий, так и их перевода в зоны туристической рекреации, при этом бывшие фермеры-агропроизводители превращаются в хозяев сельских гостиниц и парков сельских развлечений.

ществ, Чаянов стремился найти в этих противоречивых противопоставлениях оптимумы наиболее приемлемых решений и результатов — компромиссов, способствующих росту гармонизации окружающего мира.

Противоречия между городом и селом, промышленностью и сельским хозяйством, крестьянским и капиталистическим хозяйством, государством и его гражданами, наконец, между личностью и обществом с большей или меньшей полнотой находят свое отражение в рассмотренных нами утопиях.

Мы знаем, что, как правило, утопии создаются для формирования некоего социально-нравственного идеала в условиях не только политэкономического, но и культурного кризиса. Большинству наиболее известных и замечательных утопий свойственна попытка обоснования новой нравственности, новой этики, предполагаемого совершенного будущего. Именно в этом — изначальном нравственном аксиоматическом тезисе всякого настоящего утопизма — заключается удивительная особенность утопизма чаяновского. Чаянов в своих утопиях демонстративно, подчеркнуто не любит рассуждать о нравственности.

Пожалуй, единственный раз этический вопрос вдруг неожиданно ставится ребром в «Путешествии брата Алексея...», когда представитель утопической элиты «крестьянская Москва 1984» Алексей Минин заявляет: «По-нашему, если хотите, осознанная этика безнравственна» (Чаянов, 1989: 200).

Кажется, по чаяновскому утопизму выходит то же самое. Впрочем, это не значит, что утопист Чаянов безнравствен. Все выглядит так, что, по Чаянову, эволюция, совершенствование нравственности заключаются лишь в увеличении многообразия различных сторон бытия, ищущих себе выход в преимущественно мирном сосуществовании компромиссных оптимумов. В этом смысле чаяновская этика чрезвычайно релятивистична. В его утопиях не существует абсолютной нравственности — нравственность в них всегда относительна. В смысле постановки детского вопроса, что такое хорошо и что такое плохо, из чаяновских утопий следует ответ: там, где больше условий для признаков многообразия мира, стремящихся гармонично сосуществовать между собой, там и лучше, там и хорошо; а единообразие это хуже — это плохо.

Впрочем, здесь мы должны подчеркнуть, что Чаянов отнюдь не нейтрален в своих личностных социально-экономических и историко-культурных предпочтениях. Он аксиоматически убежден, что сельский мир крестьянских хозяйств является базой, фундаментом эволюции всемирного разнообразия человеческого общества. Здесь Чаянов — яркий представитель идеологии аграризма, противопоставляющий свои утопии другим идеологиям и другим утопиям: прогрессизму и урбанизму, капитализму и коммунизму[11].

11. Подробнее об идеологии аграризма см.: Бруиш, 2012.

Чаяновский аграрный утопизм великодушен, в будущем он побеждает, но отнюдь не изничтожает, например, своих основных противников, а лишь приручает, контролирует их. Государство и рынок, индустрия и город, капитализм и социализм имеют право на существование в стране крестьянской утопии, подчиненные власти оптимумов всеобщего кооперативизма, укорененного в мудрости сельской гармонии.

Увы, противник чаяновского аграризма — бюрократический утопизм сталинизма был, напротив, жесток и вероломен. Он беспощадно обрывал и выкорчевывал поиски оптимизации многообразия форм социального развития. Одной из первых жертв сталинизма явилось интеллектуальное направление Чаянова, этюды утопической оптимизации кризисов которого оказались незавершенными, запрещенными, надолго забытыми. Лишь сейчас мы предпринимаем новую попытку переосмысления чаяновского наследия в условиях нарастающих рисков и кризисов нашего времени.

Библиография

Бруиш К. (2012). Крестьянская идеология для крестьянской России: аграризм в России начала XX века // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Вып. 7. М.: Дело. С. 142–158.

Бусько В. Н. (2000). Экономическая мысль Беларуси в период НЭПа (20-е годы). Минск: Право и экономика.

Виноградова И. Н. (2003). Социальные аспекты учения А. В. Чаянова // Материалы III Чаяновских чтений. М.

Герасимов И. (1997). Душа человека переходного времени: случай Александра Чаянова. Казань: АННА.

Гловели Г. Д. (2004). «Красная звезда» и красная роза: из истории русской утопии // Вестник международного института Александра Богданова. № 3.

Ильиных В. А. (2011). Чаяновская альтернатива в Сибири (Перспективный план развития сельского хозяйства Сибирского края 1926 г.) // Крестьяноведение: теория, история, современность. Вып. 6. М. С. 176–191.

Кронрод Я. А. (1992). Соцолигархизм как псевдосоциализм XX века // Очерки социально-экономического развития XX века. М.: Наука. С. 192–233.

Кузнецов И. А. (2013). Российская аграрно-экономическая мысль в тюненовской перспективе (1875–1925) // История мысли. Русская мыслительная традиция. Вып. 6 / под ред. И. П. Смирнова. М. С. 376–411.

Никулин А. М., Никулина Е. С. (2015). Сельско-городская Москва: из большой деревни в мегасело // Островские чтения. № 1. С. 425–428.

Родоман Б. Б. (1987). Модель Тюнена и теоретическая география // Вестник географии МГУ. № 4. С. 35–40.

Тюнен И. Г. (1926). Изолированное государство. М.

Фигуровская Н. К., Симонов В. В. (1988). Вопросы А. В. Чаянова // Социокультурные утопии XX века. Вып. 6.

Хобсбаум Э. (2004). Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Издательство «Независимая газета». С. 102–304.

Чаянов А. В. (1928а). Возможное будущее сельского хозяйства // Жизнь и техника будущего: социальные и научно-технические утопии. М.; Л.

Чаянов А. В. (1914). Война и крестьянское хозяйство. М.

Чаянов А. В. (1923). Опыты изучения изолированного государства // Очерки по экономике сельского хозяйства. М. С. 117–144.
Чаянов А. В. (1928б). Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. М.
Чаянов А. В. (1989). Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Венецианское зеркало: Повести. М.: Современник.
Чаянов А. В. (1991). Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М.: Наука.
Шанин Т. (1995). Три смерти Александра Чаянова // Социологический журнал. № 1.
Raskov D. (2014) Socialist Agrarian Utopia in the 1920s: Chayanov // Oeconomia № 4. P. 123–146.

Chayanovian utopian visions: Looking for the balance under the crises of optima intensification

Alexander Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

The article considers the features of A. V. Chayanov worldview, who in his multifaceted intellectual activities used to experiment with the genre of utopia. Based on the analysis of such utopian works of Chayanov as "Few Studies of the Isolated State" (1915–1923), "My Brother Alexey's Journey to the Land of Peasant Utopia" (1920), and "On the Possible Future of the Peasant Economy" (1928) the author identifies basic elements of Chayanov's scientific and creative worldview. All three Chayanov's utopias vary greatly in style and genre, thus indicating his amazing fantasy and plastic ingenuity. For instance, the first utopia is predominantly a marginal-mathematical treatise on the competitive coexistence of capitalist and peasant economies in agriculture. The second utopia is a kind of fantastic-political tale of the ineradicable variety of political and social-economic structures of the world. The third utopia represents the genre of typical scientific and technological utopia with atypical existential-aesthetic end. In each utopia, Chayanov creates an original model of social development that despite the social crises of the first third of the XX century seeks a compromise between town and village, industry and agriculture, peasantry and state capitalism, science and art, individual and society. The article critically considers the utopian relativistic ethics of Chayanovian agrarianism based on the idea of achieving the harmonic optima of social development.

Keywords: autarchic state, peasant economy, capitalism in agriculture, cultural diversity, technological progress, relativistic ethics.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-6-30

References

Bruisch K. (2012) Krest'yanskaya ideologiya dlya krest'yanskoj Rossii: agrarizm v Rossii nachala XX veka [Peasant ideology for peasant Russia: Agrarianism in Russia in the early XX century] *Krest'yanovedenie. Teoriya. Istoriya. Sovremennost'*. Vyp. 7. Moscow. p. 142–158.
Bus'ko V.N. (2000) *Ehkonomicheskaya mysl' Belarusi v period NEPa (20-e gody)* [Economic Thought of Belorussia under the NEP (1920's)]. Minsk: Pravo i ehkonomika.
Vinogradova I. N. (2003) Sotsial'nye aspekty ucheniya A. V. Chayanova [Social aspects of A. V. Chayanov's theory] *Materialy III Ccayanovskikh chtenij*. Moscow
Gerasimov I. (1997) *Dusha cheloveka perekhodnogo vremeni: sluchaj Aleksandra Chayanova* [The Soul of the Man of the Transitional Period: The Case of Alexander Chayanov]. Kazan'. ANNA.

Gloveli G. D. (2004) «Krasnaya zvezda» i krasnaya roza: iz istorii russkoj utopii ["Red Star" and the red rose: From the history of Russian utopia]. *Vestnik mezhdunarodnogo instituta Aleksandra Bogdanova*, no. 3.

Il'inykh V.A. (2011) Chayanovskaya al'ternativa v Sibiri (Perspektivnyj plan razvitiya sel'skogo khozyajstva Sibirskogo kraya 1926 g.) [Chayanov's alternative in Siberia (Perspective plan of agricultural development of the Siberian region in 1926)]. *Krest'yanovedenie: teoriya, istoriya, sovremennost'*. Vyp. 6. Moscow, p. 176–191.

Kronrod YA.A. (1992) Sotsoligarkhizm kak psevdosotsializm XX veka [Socialist oligarchism as a pseudo-socialism of the XX century] *Ocherki sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya KHKH veka*. Moscow, Nauka, p. 192–233.

Kuznetsov I. A. (2013) Rossijskaya agrarno-ehkonomicheskaya mysl' v tyunenovskoj perspektive (1875–1925) [Russian agrarian-economic thought in the Thünen perspective] *Istoriya mysli. Russkaya myslitel'naya traditsiya*. Vyp. 6 / Pod red. I. P. Smirnova. Moscow, p. 376–411.

Nikulin A. M., Nikulina E. S. (2015) Sel'sko-gorodskaya Moskva: iz bol'shoj derevni v mega-selo [Rural-urban Moscow: From large to mega village]. *Ostrovskie chteniya* [], no. 1, p. 425–428.

Rodoman B. B. (1987) Model' Tyunena i teoreticheskaya geografiya [Thünen model and theoretical geography] *Vestnik geografii MGU*, no 4, p. 35–40.

Thünen J. H. (1926) *Izolirovannoe gosudarstvo* [Isolated State]. Moscow.

Figurovskaya N. K., Simonov V. V. (1988) Voprosy A. V. Chayanova [Chayanov's questions]. *Sotsiokul'turnye utopii XX veka*. Vyp. 6.

Hobsbawm E. (2004) *Ehpokha krajnostej. Korotkij dvadtsatyj vek* (1914–1991) [Age Of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991] Moscow, Izdatel'stvo Nezavisimaya Gazeta, p. 102–304.

Chayanov A. V. (1928a) Vozmozhnoe budushhee sel'skogo khozyajstva [On the possible future of peasant economy]. *Zhizn' i tekhnika budushhego: sotsial'nye i nauchno-tekhnicheskie utopii*. Moscow; Leningrad.

Chayanov A. V. (1914) *Vojna i krest'yanskoe khozyajstvo* [War and Peasant Economy]. Moscow.

Chayanov A. V. (1923) Opyty izucheniya izolirovannogo gosudarstva [Few Studies of the Isolated State] Chayanov A. *V. Ocherki po ehkonomike sel'skogo khozyajstva*. Moscow, p. 117–144.

Chayanov A. V. (1928b) *Optimal'nye razmery sel'skokhozyajstvennykh predpriyatij* [Optimal Sizes of Agricultural Enterprises]. Moscow.

Chayanov A. V. (1989) Puteshestvie moego brata Alekseya v stranu krest'yanskoj utopii [My brother Alexey's Journey to the Land of Peasant Utopia] Chayanov A. V. *Venetsianskoe zerkalo: Povesti*. Moscow, Sovremennik.

Chayanov A. V. (1991) *Osnovnye idei i formy organizatsii sel'skokhozyajstvennoj kooperatsii* [Basic Forms of Agricultural Cooperation Organization]. Moscow, Nauka.

Shanin T. (1995) Tri smerti Aleksandra Chayanova [Three deaths of Alexander Chayanov] *Sotsiologicheskij zhurnal*, no. 1.

Raskov D. (2014) Socialist Agrarian Utopia in the 1920s: Chayanov. Oeconomia, no. 4, p. 123–146.